

6733 г. подверглась в младшем изводе НПЛ: там ей был придан симметричный характер, отсутствовавший в исходном тексте, где данное положение было сформулировано односторонне, от лица князя.

Полагаем, что и в речи немецких послов в ПВЛ земли объявляются «одинаковыми» не по их объективным свойствам, «плодородию или богатству», как считает М. Ю. Андрейчева, и не в силу принадлежности к одному диоцезу, что предполагает А. А. Горский, а с точки зрения самих послов (и, вероятно, купцов, которые наверняка сопровождали посольство), пользующихся в Русской земле той же свободой перемещения, что и у себя на родине. Смысл речи послов заключается, на наш взгляд, не в предложении признать существующий *de jure* статус Руси как епархии Римской церкви (значимое для империи, это формальное обстоятельство вряд ли могло представлять интерес для язычника Владимира), но в более прагматичном предложении дополнить открытость Руси для торговых связей и политических контактов с латинским Западом еще и конфессиональной общностью.

Что же касается библейской параллели, то ее привлечение для объяснения смысла летописного эпизода представляется излишним.

Литература

Андрейчева М. Ю. Мусульмане, католики и иудеи в летописном рассказе о выборе веры князем Владимиром: образы и смыслы // *Одиссей: человек в истории*. 2014: *Imitatio Christi* в религиозной культуре Средневековья и раннего Нового времени. М., 2016. С. 402–440.

Горский А. А. Три заметки к вопросу о русско-германских связях раннего средневековья // *У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях*. Юбилейный сб. в честь Александра Васильевича Назаренко. М., 2019. С. 103–108.

Лукин П. В. Языческая «реформа» Владимира Святославича в Начальном летописании: устная традиция или литературная реминисценция? // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2011. М., 2013. С. 326–352.

Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001.

Aleksey A. Gippius

National Research University Higher School of Economics,
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

“YOUR LAND IS LIKE OUR LAND...”: WHAT THE “GERMANS FROM ROME” ACTUALLY MEANT?

The article demonstrates that the initial words of the German ambassadors' speech to Vladimir Svyatoslavich in the 6494 entry of the *Povest' Vremennykh Let* represent a diplomatic formula also reflected by the 6733 (1225) entry of the *First Novgorod Chronicle*. The formula in question declares freedom of ambassadors' and merchants' traveling through the lands of contracting states. Accordingly, the ambassadors' words contain a proposal to Vladimir to supplement the mutual openness for economic and political contacts already existing between the two countries by their confessional community.

Keywords: Povest' Vremennykh Let, Conversion of Rus', Russian-German connections, First Novgorod Chronicle

УДК 94(47) ББК 63(2) DOI 10.25986/IRI.2019.75.1.007

С. В. Городилин

ИРИ РАН, Москва, Россия. gorodilin.sergey@gmail.com

ГДЕ НАШЛИ ПСКОВИЧИ СВОЕГО КНЯЗЯ ИВАНА НАЙДЕНА РЕПНЮ ОБОЛЕНСКОГО? (ГОРОДСКАЯ ТОПОГРАФИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ)

В статье анализируется летописный рассказ о приезде в Псков его последнего князя Ивана Михайловича Репни Оболенского. С привлечением ранее не использовавшегося Варшавского списка Псковской I летописи удастся уточнить политический и политико-символический контексты этого события, ознаменовавшего начало княжения, итогом которого стала ликвидация Псковской республики.

Ключевые слова: летописание XVI века, политический ритуал, Псковская республика, псковские князья

Падение Псковской республики представляет собой один из ярких эпизодов истории позднего русского Средневековья, а его освещенные нарративными памятниками и псковского, и московского происхождения детали позволяют глубже понять как предшествующую историю этого государственно-политического образования, так и сущность ставших итогами «Псковского взятия» 1510 г. политико-социальных трансформаций. Однако по-прежнему остаются дискуссионными проблемы, связанные со статусом Пскова накануне конца его независимости, с вопросом, в какой момент в Москве возник план ликвидации этой республики и в чем он состоял, а также с ролью в случившемся последнего псковского князя Ивана Репни Оболенского, события княжения которого и дали повод для недовольства горожан и для последующих московских действий зимы 1509–1510 г.

Из Повести о Псковском взятии известно, что псковичи, которые обратились осенью 1509 г. к приехавшему в Новгород великому князю Василию Ивановичу с жалобами «на твоего наместника, а нашего князя» Ивана Репню, упрекали того не только в злоупотреблениях, чинимых им и его людьми в городе и пригородах, но еще

и в том, что этот князь уже изначально прибыл в Псков «не пошлиною»¹. Суть этой их претензии раскрывает статья Псковской I летописи (далее — ПЛ) 7017 г., начало которой посвящено появлению Ивана Оболенского в городе: «Князь великий Василен Иванович позвал князя псковского Петра Великого, а прислал во Псков князя Ивана Михайловича Наидена; а потому его называли Наиденом, а он не пошлиною приехал, нашли его псковичи на Загорском дворе; а священники против его и со кресты не ходили, а пѣли молебен на Торгу, да шли ко святей Троицы, да посадили на княжение оу святей Троицы; и бысть той князь лютъ до людей»².

Историография, посвященная анализу этого краткого сообщения, весьма обширна, начинаясь еще с С. М. Соловьева. Тот указал, что «с 1508 или 1509 года во Пскове наместником был князь Иван Михайлович Репня-Оболенский, а псковичи прозвали его Найденом, потому что, говорит их летописец, приехал он в Псков не по обычаю не будучи прошен и объявлен, нашли его псковичи на загородном дворе, потому священники навстречу к нему со крестами не ходили» [Соловьев, с. 226]. Примерно в том же русле интерпретирует известие и Н. И. Костомаров, согласно которому, когда князь «приехал в город, не встретили его священники с крестами; он сам не дал о себе знать заранее, как обыкновенно случалось, и остановился на загородном дворе. Псковичи нашли его там и пригласили на торг, а оттуда уже ввели к Св. Троице; там скрепя сердце посадили они его по древнему обычаю на княжение — от этого его прозвали “найденом”» [Костомаров, с. 307]. Одновременно ученый выдвигает и новую гипотезу: «особенно ненавистный» для горожан из всех последних псковских наместников Иван Репня, как «можно предположить», уже ранее чем-то проявил себя, и великий князь послал именно его в Псков «нарочно», ровно для того, чтобы тот не ужился с псковичами, а те дали бы повод Москве «доканать сразу гражданскую свободу Пскова». И. Д. Беляев почти дословно цитирует летопись, говоря, что князя нашли на «загородском» дворе, а данное ему прозвище объясняется тем, что он приехал «не пошлиною (не по старому порядку)», отвернувшись даже от обычного церемониала встречи и посажения на престол, которым к тому времени и ограничивалось «все значение веча относительно князей наместников» [Беляев, с. 364–365]. А. И. Никитский, следуя складывающейся историографической традиции, воспринимает как доказанное и развивает предположение Н. И. Костомарова о том, что сама отправка князя Ивана уже была продуманной провокацией в расчете на конфликт с горожанами: «для этой цели был отправлен наместником в Псков, без всякой предварительной просьбы со стороны последнего, Иван Михайлович Репня-Оболенский, который, вследствие необычного появления своего в Пскове, получил от псковичей прозвание Найдена. Дело в том, что хотя псковские князья-наместники уже давно потеряли свой княжеский характер, тем не менее псковичи продолжали соблюдать при их въезде обычное торжество, выходили навстречу со крестами и служили молебны; но наконец в Москве заметили несообразность таких церемоний с действительным положением псковских князей, и Репня первый пренебрег этим обычаем, явившись без всякого предуведомления псковичей прямо на загородный княжеский двор, где впервые и найден был последним. Несмотря на свое прозвище, Найден оказался совсем не находкой: с принятием им наместничества тотчас же начались сильные притеснения псковичам» [Никитский, с. 292].

Б. Б. Кафенгауз уже не вдается в подробности о том, где именно был найден последний псковский князь, однако предлагает свою версию происхождения его прозвища (опирающуюся на имевшуюся традицию) и делает новые выводы: «В какой мере в Пскове считалось необходимым утверждение князя на вече, можно видеть из летописного известия о том, как великий князь отозвал Петра Васильевича и заменил его без согласия псковичей князем И. М. Репней-Оболенским. Псковичи называли его поэтому Найденом. Вместо встречи его “со кресты” священники посадили его на княжение у Св. Троицы без крестного целования на вече» [Кафенгауз, с. 100]. Зарубежные ученые также следуют этой концепции. Так, Гертруд Пикхан тоже полагает, что появление Ивана Репни в городе было провокацией, поскольку ему не предшествовало приглашение князя псковичами, с чем и было связано данное тому прозвище: «Die vollständig Eingliederung Pskovs in das aristokratische Moskauer Herrschaftssystem vollzog sich innerhalb weniger Monate des Winters 1509/10. Vasilij III leitete sein Vorgehen dadurch ein, dass er den Pskovern zu Beginn des Jahres 1509 ohne jegliche Absprache als neuen Fürsten Ivan Michajlovich Repnja Obolenskij schickte, dem die Pskovern infolgedessen den Beinamen “Najdennyj”, der (zufällig) Gefundene, gaben. Wollten die Pskover gegen diese Entsendung vorgehen, so mussten sie ihre obersten Repräsentanten mit der vorgeschriebenen Klageschrift zum Großfürsten senden»³ [Pickhan, s. 324].

Ту же модель интерпретации сюжета, которую выработала отечественная историография, мы встречаем и у Р. Г. Скрынникова: «Псковский летописец с раздражением записал, что боярин Репня водворился в городе безо всякого приглашения со стороны Господина Пскова — “не пошлиною во Псков приехал да сел на княжение”. Священники даже не успели встретить его “со кресты” при въезде в город. Не без насмешки псковичи прозвали князя Найденой — найденешем. “Нашли” его псковичи прямо в княжеской резиденции. Репня был “лют до людей” и быстро довел дело до разрыва. Спровоцировав конфликт, Василий III стал готовить завоевание Пскова» [Скрынников, с. 72]. А. А. Вовин, приводя князя Ивана как пример приехавшего в Псков «не пошлиною», отметил,

¹ Псковские летописи. М., Л., 1941. Вып. 1. С. 92; М., 1955. Вып. 2. С. 254.

² Псковские летописи. Вып. 1. С. 92.

³ «Окончательное включение Пскова в аристократическую систему власти Москвы свершилось за несколько месяцев зимы 1509–1510 г. Василий III начал с того, что в начале 1509 г. без каких-либо согласований послал к псковичам в качестве нового князя Ивана Михайловича Репню Оболенского, которого псковичи поэтому прозвали “Найденом”, то есть [случайно] Найденным. Если псковичи хотели выступить против этого назначения, то они должны были отправить с официальной жалобой к великому князю своих высокопоставленных представителей» (пер. авт.).

что «летописец подчеркивает неполноту церемонии его вокняжения: “А противу его со кресты не ходили... а то Репня не по крестному целованию оучал во Пскове житий”», и вслед за другими авторами предположил, что «и прочих необходимых ритуальных действий» применительно к посажению на стол этого князя совершено не было [Вовин, с. 113].

Таким образом, исследовательская традиция применительно к рассматриваемому сюжету не только объясняет необычность приезда и вокняжения Ивана Репни «не пошлюино» тем, что нашедшие его горожане «противу его со кресты не ходили» (о чем прямо говорит летописец), но добавляет также и целый ряд предположений: что князь прибыл без всякого приглашения или даже вопреки желанию псковичей, что он намеренно игнорирует их обычаи и ритуал вокняжения, не подчиняется воле веча и не дает ему присяги, и что такое поведение в точности соответствовало замыслу великого князя, по которому заранее готовился конфликт города с наместником и их последующее обращение к третьей стороне суду Василия. Не вполне единообразно трактуется и происхождение прозвища князя Ивана: связано ли оно с тем, что он был найден псковичами случайно, в каком-то необычном месте или с тем, что они вообще не ожидали и даже не хотели его у себя увидеть. С этим связано и решение вопроса о том, что имел в виду летописец, говоря, что против князя «и со кресты не ходили»: объясняется ли данный факт тем, что князь уже въехал внутрь города и встречать его заново у стен теперь просто не имело смысла, или же сами псковичи осознанно не стали устраивать ему подобающей торжественной встречи. Вместе с тем, как видно из приведенных цитат, большинство историков полагает, что Иван Репня в любом случае поступил так намеренно, дабы продемонстрировать пренебрежение политическим церемониалом Пскова и его республиканскими порядками, поскольку так или иначе исполнял великокняжеский план, рассчитанный на то, чтобы вызвать столкновение горожан с их новым наместником.

Заметно также важное расхождение исследовательских тезисов XIX в. с текстом летописи: применительно к месту, где князь был найден, говорится о «загородном» («Загородском») и о «загородном княжеском дворе». Начиная с Б. Б. Кафенгауза, однако, речи о загородном дворе уже не идет и место обнаружения князя либо не уточняется, либо именуется «княжеской резиденцией». Объяснение этому нетрудно найти: авторы XIX — начала XX в. пользовались публикацией ПИЛ Археографической комиссией в 4-м томе ПСРЛ 1848 г. Издание было осуществлено по нескольким спискам, причем, как отметил А. Н. Насонов, публикаторы давали разные части основного текста памятника по разным спискам, не объясняя, чем они руководствовались при выборе в конкретных случаях⁴. Рассматриваемый фрагмент изложен ими по Академическому II списку (в соответствии с классификацией А. Н. Насонова; согласно изданию 1848 г. — Акад. XVIII), где по поводу появления князя Ивана сказано: «нашли его псковичи на загородскомъ дворѣ»⁵. Привлеченные в разночтениях Снегиревский II и Карамзинский I списки, как указано в примечании, содержали иное чтение — «на Загорскомъ», но анализировавшие фрагмент ученые руководствовались основным текстом публикации. Он, однако, предлагал вариант чтения по списку XVIII в., отсутствующий в списках более ранних.

При издании в 1941 г. А. Н. Насоновым ПИЛ, в рассматриваемой части осуществленному по ее восходящему к Своду 1547 г. продолжению в Погодинском списке второй половины XVI в., в статье 7017 г. уже появилось чтение «на Загорскомъ дворе», а позднейшее чтение «на Загородскомъ» даже не было приведено. Таким образом, авторы, обращавшиеся к данному тексту в середине XX — начале XXI в., уже не сталкивались с известием о том, что двор, где нашли своего князя псковичи, назывался Загородским. Впрочем, они либо не уточняли его расположения, либо следовали сложившейся традиции, аргументируя этот двор княжеским⁶. Проблема, однако, в том, что княжеским его впервые назвал А. И. Никитский, не имея для этого никаких оснований — кроме, вероятно, предположения, что у князя Псковского могла иметься загородная резиденция. Само по себе чтение «Загорский» вкуче со всем текстом сообщения статьи 7017 г. вовсе не предполагало, что двор, о котором идет речь, был княжеским, и не проясняло вопроса о его местоположении.

Вместе с тем точная интерпретация сообщения летописи неизбежно требует решения вопроса о том, что это был за двор и где именно он находился. Если он располагался вне городских стен, то факт, что, тем не менее, надлежащая встреча князя «со кресты» у этих стен псковичами так и не была устроена — хотя бы после того, как Иван Оболенский нашелся, — непременно предполагал бы в случившемся осознанную демонстрацию как минимум прохладного отношения к приезду нового князя, что вполне увязывается и с развернувшимися впоследствии событиями финала его княжения, и с версией о том, что все оно являлось заранее задуманной в Москве провокацией. Если же двор был внутри города, то не вполне ясно, в чем состояла неожиданность обнаружения там Ивана Найдена: вряд ли князь мог добраться от псковских рубежей до Пскова, а потом еще и въехать внутрь охраняемых городских укреплений так, чтобы об этом не узнали горожане. Если этот двор к тому же и являлся, как предполагается, обычной княжеской резиденцией, то нужно дополнительное объяснение, почему тогда летописец

⁴ Псковские летописи. Вып. 1. С. V.

⁵ ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 282. Академический II список, как отмечал А. Н. Насонов, воспроизводя списки Снегиревский II и Оболенского, к которым тот восходит, «нередко допускает искажения текста, а иногда — редакционные добавления, долженствующие пояснять смысл написанного» (Псковские летописи. Вып. 1. С. LI).

⁶ Показателен казус в недавней работе исследователя военной истории М. А. Несина о присоединении Пскова: говорится, что князь «появился внезапно, будучи найденным на княжеском дворе», и дана ссылка на известные летописи, где, однако, такого не содержится [Несин, с. 18].

специально называет его так, как хорошо известный источникам городской Княжий двор (о нем см.: [Лабутина, с. 150–151]) никогда не именовался.

Тщательное изучение топографии средневекового Пскова, предпринятое И. К. Лабутиной, привнесло в этот вопрос необходимую ясность, но рассматриваемую нами проблему не разрешило: упомянутый в статье 7017 г. «Загорский двор» нигде больше не встречается, ни в летописях, ни в актах. При этом исследовательница обоснованно отказалась от отождествления его с Княжим двором, указав, что его место не удается локализовать, но, с учетом того, что сразу вслед за известием об обнаружении князя псковичами говорится о молебне на Торгу, после которого все отправились к Святой Троице, где Ивана Михайловича торжественно посадили на княжение, предположила, что Загорский двор также должен был находиться где-то в городе [Лабутина, с. 187–188].

В сложившейся ситуации по поводу Загорского двора могли высказываться самые разные версии. Например, пользователь zhan на форуме turpoliticum.ru 7 июля 2016 г. так изложил рассматриваемый сюжет: «Репню в Пскове называли “Найден”. Он не был нормально представлен псковичам, не был встречен по обычаю крестным ходом, не сказал народу ласкового слова. Был он найден на постоялом дворе, куда инкогнито, по-хлестаковски, прибыл из Москвы и обретался в сытости и похмелье». На 63-м заседании семинара «Археология и история Пскова и Псковской земли» имени академика В. В. Седова высказывалось устное предположение, что речь в летописи идет о ямском дворе на известном Загорском яме XVI–XVII в. (ныне — д. Большое Загорье, ранее — Ям-Загорье) у псковско-новгородской границы, неподалеку от Мелетова. В таком случае неожиданностью оказывался уже сам въезд князя Ивана на псковскую землю, а то, что при последующем прибытии в город его еще и не стали встречать с крестами, неизбежно означало публичное выражение не слишком теплого отношения к новому князю и его не вполне полноценный княжеский статус и, таким образом, подтверждало гипотезу, по которой для псковичей он изначально не был желаемым князем.

Следует, однако, напомнить, что рассказ П1Л о приезде Ивана Репни является единственным источником по данному сюжету. В такой ситуации особое значение имеет полнота исследования рукописной традиции: сопоставление всех летописных текстов и выявление наиболее ранних чтений. В нашем случае важным видится то, что имеется еще один список этой летописи, Варшавский (далее — Варш.), оставшийся неизвестным А. Н. Насонову и сохранившийся в библиотеке Ординации Замойских⁷. В настоящее время он находится в отделе рукописей Национальной библиотеки в Варшаве. Впервые этот список был описан А. И. Роговым [Рогов, с. 153–154], затем Я. Н. Цаповым [Цапов, с. 19–22]. На л. 325 об.—457 об. он содержит текст П1Л за 1447–1547 г., а сама рукопись, согласно выходной записи, написана для Троицкого собора Пскова в 1548 г. Данный список является наиболее близким к Своду 1547 г.⁸ В рассматриваемом фрагменте статьи 7017 г. там содержится чтение «на Горском дворѣ»⁹.

Горский двор, в отличие от Загорского или Загородского, известен летописанию Пскова. Именно так — двором Горских чернецов, Горским или Снетогорским — именовалось городское подворье Снетогорского монастыря — «лавры святой Богородицы на Снетной Горе», иногда называемого псковичами просто «Горою» [Лабутина, с. 145, 215]. В 1366/1367 г. на этом дворе была сооружена каменная церковь Иоанна Богослова, в 1477 г. по повелению архиепископа Феофила там же были установлены «самозвонные» часы, и предполагается, что именно на нем останавливались во время приездов в Псков новгородские владыки [Лабутина, с. 145–146]. Горский двор располагался к северу от Торга, а его храм Иоанна Богослова стоял «на стене», то есть примыкал к крепостной стене, защищавшей город со стороны р. Псковы. Княжий двор находился у противоположного, южного края того же Торга, у стены со стороны р. Великой. Он включал построенную в 1383–1384 г. каменную церковь Воздвижения, а также комплекс зданий официальной резиденции псковских князей, где те и проживали, и исполняли властные функции — в том числе столь важную, как судебная. В репрезентации княжеской власти и в политической символике республики Княжий двор играл чрезвычайно значимую роль, там останавливались при посещениях города и члены великокняжеской семьи. Отказ прибывшего князя расположиться в этом почетном месте был бы необычен и явно умалял бы его княжескую «честь».

Факт, что, судя по известию Варш., князя Ивана нашли на Горском дворе, сложно интерпретировать в рамках сложившейся историографической традиции. Князь был прислан как наместник великого князя на псковское княжение вместо своего отозванного в Москву предшественника в соответствии с давно устоявшимся порядком и, судя по тому, что нам известно, ничем больше не выказывал желания продемонстрировать городу, что его властный статус должен стать ниже, а воздаваемая ему честь — меньшей, чем у прочих псковских князей: как и те, он торжественно садится на княжеский стол в соборе Троицы, как и те, он ставит людей из своего окружения на наместничества в псковских пригородах, как и других князей, псковичи именуют Ивана Оболенского «князем Псковским» и «нашим князем» (см. подробнее: [Городилин, в печати]). Таким образом, судя по всему, вызвавшее недоумение горожан и ставшее причиной присвоения прозвища «Найден» появление князя на Горском дворе вряд ли могло быть осмысленным шагом, несущим ту семантическую нагрузку, какую ему приписала историография. Проще предположить, что, въехав в незнакомый город без сопровождения представителей местной знати, которых он не предупредил о своем приближении, Иван свернул не на тот двор — тоже внешне эффектный и тоже у Торга, но менее статусный в символическом плане — просто по ошибке.

⁷ BOZ. Cim. 78.

⁸ В. И. Охотникова предполагала, что он является оригиналом Свода 1547 г. [Охотникова, с. 28]; Б. М. Клосс определил его как «оригинал свода, или список, очень близко отстоящий от времени его создания» [Клосс, с. 5]; А. М. Введенский пришел к выводу, что к оригиналу 1547 г. восходят Варш. и общий протограф Погодинского списка (по которому рассматриваемый текст П1Л был издан А. Н. Насоновым) и списка Оболенского [Введенский, с. 207].

⁹ BOZ. Cim. 78. Л. 398 об.

В части нарушения политического церемониала, предполагавшего торжественный вход князя в город после ритуальной встречи с вышедшими под предводительством священников с крестами за городские стены к монастырю Старого Вознесения на Поле горожанами, эту ошибку псковичи сразу же попытались исправить, отслужив молебен на Торгу перед Довмонтовой стеной и отправившись с князем оттуда уже к собору Троицы, где была проведена обычная церемония посажения нового князя на псковский стол. Ивана Найдена Оболенского «посадили на княжение оу святей Троицы» — насколько можно судить, совершенно так же, как и всех его предшественников. Спустя определенное время начались противоречия князя и его людей с горожанами в судебно-финансовой сфере, и до того ничуть не редкие в истории отношений Пскова с его князьями.

О нарушении ритуала, ознаменовавшем появление Ивана Репни в городе, псковичи вспомнили вновь уже ощутило позднее и лишь после того, как сам их князь в ответ на жалобы горожан великому князю упрекнул их в другом грубом ритуальном нарушении — бесчестовании его как великокняжеского наместника: «поехал изо Пскова князь Псковской Иван Михайлович Репня Оболенских князеи государю великому князю жаловатися на псковичь, что де его псковичи бесчестовали; а тот Репня не пошлюно во Псков приѣхал»¹⁰. Как ответ на обвинение в бесчестии и прозвучали встречные псковские обвинения в том, что Иван сам нарушил «пошлину», въехав в город без полного соблюдения ритуальной нормы, и к тому же, сев на княжение, стал затем жить во Пскове вопреки данному им крестоцелованию, по которому он должен был хотеть добра святой Троице и мужам-псковичам, а не творить им зла. Думается, что если бы не этот разгоревшийся спустя достаточно продолжительное время после появления князя (он прибыл в Псков в период между сентябрем 1508 г. и последней декадой марта 1509 г., а жалобы на него великому князю были поданы только после 26 октября 1509 г.) конфликт, который после долгого выяснения обстановки к началу 1510 г. московские власти решились использовать для «Взятия Пскова», то случившееся при княжеском приезде недоразумение не имело бы иных последствий, кроме забавного прозвища для ошибшегося двором незадачливого Ивана Найдена.

Литература

- Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. М., 1867. Кн. 3. История города Пскова и Псковской земли.
- Введенский А. М. Место Варшавского сборника среди списков Новгородской пятой и Псковской первой летописи // Slověne = Slověne. International Journal of Slavic Studies. 2017. Vol. 6. № 2. С. 199–209.
- Вовин А. А. К вопросу о княжеской власти в Пскове в XIV–XV вв. // ИИС. Великий Новгород, 2013. Вып. 13 (23). С. 103–114.
- Городилин С. В. Иван Репня Оболенский: «наш князь» или чужой наместник? К вопросу о статусе псковских князей в XV – начале XVI вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 63-го семинара имени академика В. В. Седова. Псков, 2019 (в печати).
- Кафенгауз Б. Б. Древний Псков (Очерки по истории феодальной республики). М., 1969.
- Клосс Б. М. Предисловие к изданию 2003 года // ПСРЛ. М., 2003. Т. 5. Вып. 1. С. 5–7.
- Костомаров Н. И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечегового уклада. СПб., 1863. Т. 1.
- Лабутина И. К. Историческая топография Пскова в XIV–XV веках. М., 2011.
- Масленникова Н. Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955.
- Несин М. А. К истории присоединения Пскова к Московскому государству // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2017. Т. 27. Вып. 1. С. 17–23.
- Никитский А. И. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873.
- Охотникова В. И. Летописи Псковские // СККДР. Вып. 2 (Вторая половина XIV – XVI в.); Часть 2: Л–Я, Л., 1989, 27–30.
- Рогов А. И. Кириллические рукописи в книгохранилищах Польши // Studia Źródłoznawcze. 1969. Т. 14. S. 153–167.
- Скрынников Р. Г. Василий III. Иван Грозный. М., 2008.
- Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Сочинения. М., 1989. Т. 3.
- Щапов Я. Н. Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики. М., 1976. Ч. 1.
- Pickhan G. Gospodin Pskov. Entstehung und Entwicklung eines städtischen Herrschaftszentrums in Altrußland. Berlin, 1992. (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 47).

Sergey V. Gorodilin

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

WHERE DID CITIZENS OF PSKOV FIND THEIR PRINCE IVAN NAYDEN REPNYA OBOLENSKY? (URBAN TOPOGRAPHY AND POLITICAL HISTORY)

The author analyzes the chronicle narrative about the last Pskov Prince Ivan Mikhajlovich Obolensky first arrival to Pskov. Using the Warsaw copy of the Pskov First Chronicle which have not been taken into consideration before by historians the author provides new details of political and political-symbolical context of this event. The events in question became the beginning of this principedom leading to abolition of Pskov Republic.

Keywords: chronicles of the 16th century, political ritual, Pskov Republic, Princes of Pskov

¹⁰ Псковские летописи. Вып. 1. С. 92. Именно с тем, что псковичи держат псковского князя и наместника великого князя «нечестно, не по тому, как наперед того держали и чтли великого князя наместников» и не следуют великокняжескому требованию «има его государское держать честно» и «чтить наместника его государева», то есть с правонарушениями в сфере политической символики, связывает в первую очередь начало тягбы, ставшей поводом для ликвидации Псковской республики, и московская повесть «Взятие Пскова» [Масленникова, с. 185].

